

SECURITY
RESULTS
FREEDOM

- ✓ Анализ
- ✓ Защита
- ✓ Предотвращение
- ✓ Реагирование
- ✓ Восстановление

Welcome
to the Top

18+

Первый УЧИТЕЛЬ

Мия АМОРЕ

Мия Аморе

Первый учитель

«Автор»

2026

Аморе М.

Первый учитель / М. Аморе — «Автор», 2026

— Не стой в дверях, присоединяйся, – велел хозяин дома, когда я случайно застала его за пикантным занятием. Я сбежала. Красная, как рак, с бешено бьющимся сердцем. А первого сентября он вошёл в аудиторию. — Тихомиров Марк Игоревич. С сегодняшнего дня заведу кафедру. Мой научный руководитель. Старше на одиннадцать лет. О нём шепчется весь универ — закрытые клубы, особые пристрастия, девушки, готовые на всё. Он отшивает их всех. А со мной он закрывает дверь на ключ и говорит:— Я твой учитель, и ты меня слушаешься. Это неправильно. Это запрещено. За это его выгонят из профессии, а меня — из аспирантуры. Но когда он смотрит на меня вот так, я забываю все правила разом. Вот только у него есть прошлое, о котором он молчит...

Содержание

Глава 1. Мила	5
Глава 2. Марк	8
Глава 3. Мила	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мия Аморе

Первый учитель

Глава 1. Мила

Тряпка третий раз идет по одному и тому же стеклу, а разводы никуда не деваются. Наверное, в богатых домах даже грязь какая-то породистая, простой химией ее не возьмешь.

За окном блестит бассейн так, что глаза слезятся. Половина двенадцатого, а я уже мокрая насквозь. Август в Подмоскowie в этом году решил прикинуться тропиками.

— Милочка, стекло не на одном месте три, — учит мама, проплывая мимо с корзиной белья. — Круговыми движениями. И насухо потом.

— Mam, я вообще-то красный диплом получила. Как-нибудь с окном справлюсь.

— Вот окно сначала осиль, а потом уже за диссертацию, — шутит она.

Улыбается и уходит, и я слышу, как поскрипывают ее кроссовки по мрамору.

Мама работает здесь третью неделю. Шесть дней, с семи до семи. Зарплата такая, что я без вопросом согласилась ей помогать оставшийся перед учебой месяц.

Аспирантура начнется первого сентября, на стипендию не рассчитываю — на нее можно жить ровно до десятого числа, а дальше — как повезет.

Домываю окно, отхожу на два шага и любуюсь. Красота. Эх, знали бы, на какие вещи и уходит красный диплом.

— Мила! Отнеси полотенца в гостевую! — доносится снизу. — Вторая дверь от лестницы направо!

Беру стопку и поднимаюсь. Полотенца белые, тяжелые, с вышитой монограммой. Каждое стоит примерно как моя стипендия за квартал, и я несу их бережно, будто хрусталь.

Считаю двери. Первая, вторая. Направо.

Толкаю ручку локтем. И в ступоре застываю на пороге.

На кровати девушка скачет на мужчине сверху, светлые волосы рассыпались по спине, и полная грудь подпрыгивает при каждом движении. Мужчина держит ее за бедра и задает ритм, насаживая на себя. Он приподнимает ее так высоко, что я замечаю его вздыбленную плоть. Вижу, как блестит влагой там, где они соединяются. Как его ладонь ползет вверх, накрывает ее грудь и сжимает так, что между пальцами выступает розовый сосок.

Слышу влажный звук. Чувствую, как он отдается где-то внизу живота — горячо и тяжело.

Девушка стонет в голос, не стесняясь, и от этого звука у меня загораются уши.

Стою. Не дышу, но и глаз не могу отвести.

Девушка меня не замечает. Она вообще сейчас ничего вокруг не замечает. Заводит руку назад, упирается ладонью в его бедро, и он рычит сквозь зубы, вбиваясь в нее снизу резче.

Я делаю шаг назад и что-то задеваю ногой. Кажется, это бокалы. И они со звоном разбиваются об пол.

Девушка снова стонет. Она явно не заметила постороннего зрителя. А вот мужчина смотрит прямо на меня.

Темные глаза, и ни капли смущения в них. Ни вины, ни испуга — ничего из того, что положено человеку, которого застали вот так. В его взгляде полыхает дьявольский огонь.

Он ни на секунду не прекращает своего занятия. Его рука скользит по ее животу вниз, пальцы находят то самое место, и он начинает ласкать ее, не сводя с меня взгляда. Девушка выгибается, кричит, а он пожирает меня. Медленно, сверху вниз. Мокрая футболка, прилипшая к груди, джинсы, резиновые перчатки до локтя. Возвращается к лицу и задерживается на губах.

У меня подгибаются колени. По-настоящему, физически. Мне кажется, что я сейчас вспыхну прямо тут, вместе с полотенцами.

— Не стой в дверях, — его низкий хриплый от возбуждения голос отдается тремором внизу живота. — Присоединяйся.

Полотенца падают на пол, и я не понимаю, в какой момент разжала пальцы.

— Я... там... вторая дверь...

ГОСПОДИ, КАК СТЫДНО!!!

Разворачиваюсь и вылетаю в коридор, врезавшись плечом в косяк. В спину бьет его смех. Низкий, довольный, абсолютно безнаказанный.

Сорокина, ну что ты за дура такая!!!

Скатываюсь по лестнице, перепрыгивая ступеньки, влетаю на кухню и хватаюсь за столешницу.

Дышу. А перед глазами все равно стоит эта спина. И его пальцы между ее ног. И взгляд, который прошелся по мне так, будто с меня стянули и футболку, и джинсы, и перчатки эти дурацкие.

Мне двадцать один год. Красный диплом, две публикации, олимпиада по алгебре. И ни одного мужчины. А тут прямо наглядное пособие.

Умываюсь холодной водой. Не помогает совершенно.

— Мил, ты чего белая? — мама входит с корзиной и сразу лезет ладонью ко лбу. — Перегрелась на солнце?

— Мам, там наверху... — тычу пальцем в потолок и понятия не имею, как это произносится вслух. — Там мужчина.

Мама даже бровью не ведет.

— А, приехал уже, — ставит корзину на стул. — Это Марк Игоревич, сын хозяина. Он в Швейцарии жил много лет. Теперь вернулся.

Она разбирает белье и складывает стопочками, а я смотрю на ее руки и молчу.

— И такой воспитанный, доченька, — добавляет мама с нежностью. — Утром со мной поздоровался. Не то что некоторые.

Воспитанный. Ну-ну...

“Присоединяйся, места хватит.”

Наверху хлопает дверь. И по лестнице начинают спускаться шаги. Неторопливые, спокойные.

Прямо сюда.

Он входит в кухню босиком, в одних джинсах, с мокрыми после душа волосами. Останавливается, наливает себе воды и пьет, откинув голову. По горлу двигается кадык, по плечу стекает капля.

Мама расцветает.

— Марк Игоревич, познакомьтесь. Это моя Мила, дочка. Она мне тут помогает до осени.

Он ставит стакан на стол и обжигает меня своим взглядом

— Мы знакомы, — отвечает он, вонзая зубы в сочный персик.

Глава 2. Марк

Ненавижу этот дом.

Сажу на террасе с ноутбуком, смотрю на бассейн и думаю о том, что съесть его дешевле, чем содержать. Двадцать восемь комнат. В четырех из них когда-то жила моя мать, и туда я не захожу уже пятнадцать лет.

— Ты меня вообще слышишь? — Ангелина выходит из дома в моей рубашке на голое тело. — Марк.

— Слышу.

— И что скажешь?

— Про что?

Она садится напротив, закидывает ногу на ногу и делает лицо, которое у нее означает серьезный разговор.

— Про то, что твоя прислуга ходит по спальням без стука.

— Она несла полотенца. Ты же сама их просила.

— Она пялилась.

— Ты бы тоже пялилась, — отпиваю остывший кофе. — Дверь была открыта.

Ангелина фыркает и тянется за сигаретами. Мы с ней вместе четыре месяца, и за это время я узнал о ней ровно то, что нужно: она дочь одного из партнеров отца, она горяча в постели, не задает лишних вопросов. Больше мне ничего не нужно.

Чувств в этом соглашении нет ни с одной стороны. Если она думает, что есть, но это ее проблемы.

— Ты сегодня в город? — спрашивает она.

— В университет.

— Ты серьезно туда пойдешь? Заведовать кафедрой. С твоими деньгами, — Ангелина закатывает глаза и делает затыжку.

— Ну должен же я наставить молодежь на путь истинный.

Она смеется, как будто я пошутил, и уходит одеваться.

А я возвращаюсь к письму из ректората. Приказ о назначении с первого сентября, кафедра криптографии и защиты информации, семь ставок, оборудование две тысячи седьмого года. После швейцарской лаборатории это выглядит примерно как переезд из операционной в фельдшерский пункт.

Зато здесь никто ничего про меня не знает. Да и ректору я благодарен за то, что много лет назад поверил в меня. И несмотря на старания моего отца отчислить меня из универа и отправить туда, куда он хотел, не пошел на поводу и беспощадного Тихомирова.

К четырем приезжает врач с отчетом. Отец говорит с трудом, правая сторона не работает, прогноз неясный. Я киваю, подписываю счета на реабилитацию и передаю через нее, что все оплаты необходимые будут вовремя.

— Он спрашивал, приедете ли вы, — добавляет доктор.

— Нет.

— Что ему передать?

— Что все счета оплачены. Ему не о чем беспокоиться.

Она смотрит на меня так, как смотрят все, кто не знает подробностей. С легким осуждением. Я к этому взгляду привык.

Вечером, когда жара спадает, выхожу на террасу с телефоном. Внизу у калитки стоит девушка в футболке и ждет автобус.

Рюкзак на одном плече, волосы собраны в хвост. Она проверяет время, потом что-то ищет в карманах, потом смотрит на дорожку.

И вдруг оборачивается на дом.

Наши глаза встречаются, и с ней происходит то, чего я давно не видел у живых людей: она заливается краской мгновенно, вся, до шеи. Отворачивается так резко, что чуть не роняет рюкзак, и делает вид, что разглядывает столб.

Стою и смотрю, и почему-то не могу оторваться.

В двадцать первом веке никто не краснеет. Женщины, с которыми я имею дело, не краснеют вообще никогда, даже когда следовало бы.

Забавно.

— Марк Игоревич! — снизу зовет ее мать. — Я на сегодня закончила, завтра к семи буду!

— Хорошо, Надежда Петровна.

Она уходит, вижу их с дочкой на остановке. Через минуту подъезжает автобус и увозит их. Дом остается пустым. Двадцать восемь комнат и я.

Иду в кабинет, наливаю виски и открываю папку, которую не открывал полгода. Пять имен. Врач, который пятнадцать лет выписывал матери препараты. Второй врач, который заверял, что она невменяема. Нотариус. Юрист. Женщина, которая тогда работала в этом доме и говорила следствию то, что ей велели.

Отец не сядет никогда, я это понимаю. Он и так уже приговорен — лежать и молчать.

А эти пятеро будут отвечать по одному.

Допиваю, закрываю папку и иду мимо запертой половины дома, где под чехлом стоит ее рояль. И останавливаюсь.

Пятнадцать лет эти комнаты закрыты, и я впервые думаю о том, что мертвым не нужны чехлы. Они нужны живым, чтобы не заходить.

Достаю телефон и пишу экономке одну строчку.

«С понедельника открыть левое крыло. Проветрить, убрать, расчехлить рояль. Настройщика вызвать».

Через минуту приходит ответ.

«Марк Игоревич, там же комнаты Инны Васильевны. Игорь Львович запрещал».

«Игорь Львович парализован. Открывайте».

Глава 3. Мила

Я приезжаю к восьми, работаю до шести, и все это время он где-то рядом. Не всегда в комнате. Иногда просто голос из кабинета или шаги на лестнице, и меня уже накрывает.

Мы не разговариваем. Точнее, я не разговариваю. Он говорит то, что считает нужным, и всегда в тот момент, когда я меньше всего к этому готова.

Во вторник мою террасу и стараюсь смотреть строго вниз, в плитку. Плитка красивая, дорогая, изучаю ее с преувеличенным вниманием.

— Мила.

Поднимаю голову.

Он выходит из воды по ступенькам, и вода стекает по нему потоками. Плечи, грудь, живот с четкими квадратами, дорожка темных волос вниз под купальные шорты.

Двадцать один год я прекрасно жила без этого зрелища.

— Полотенце подай, пожалуйста.

Оглядываюсь. Полотенце лежит в полуметре от моей ноги, на шезлонге. Он видит его прекрасно. Поднимаю и протягиваю на вытянутой руке, как флаг парламентаря.

Он подходит вплотную и берет не полотенце, а мое запястье. Разворачивает ладонь вверх и рассматривает ее.

— Перчатки не носишь, — замечает он. — Руки испортишь.

— Ношу. Иногда.

— Иногда — не считается.

Отпускает и забирает полотенце. А я стою с поднятой рукой, как дура, и чувствую его пальцы на запястье еще минут пять после того, как он ушел.

В другой день мама режет фрукты, я варю ему кофе, потому что мама говорит, что у меня получается лучше.

Он заходит, садится и смотрит, как я ставлю перед ним чашку.

— Надежда Петровна, — обращается он к маме, — а дочь у вас всегда такая молчаливая?

— Что вы, Марк Игоревич! — мама расцветает. — Она у меня знаете какая говорливая была? В школе замечания одни.

— Значит, только со мной молчит, — он поднимает на меня глаза. — Стесняется, наверное.

— Не стесняюсь, — отвечаю ровно.

— А краснеешь почему?

Мама смеется, ничего не понимая, а я держу спину и молчу, и щеки у меня горят так, что можно подогреть его кофе.

В субботу вообще худший день.

Приезжает девушка Марка Игоревича – Ангелина. Она красивая до неприличия, с ногами от ушей и удивительным чувством собственного достоинства. Проходит мимо меня, как мимо мебели. А потом, уже уезжая, останавливается в дверях спальни и произносит через плечо:

— У Марка нужно поменять белье на постели.

Простыни смяты так, что никаких вопросов не остается. В воздухе пряный запах запретного. Руки трясутся от унижения, и от чего-то еще, в чем я себе признаваться не собираюсь.

Хозяин дома стоит в дверном проеме, плечом к косяку, и смотрит.

— Обиделась?

— На что?

— На постель.

— Это моя работа, — отрезаю я и взбиваю подушку с такой силой, что из нее вылетает перо.

Он уходит, а я сажусь на эту чертову кровать и понимаю, что мне осталось продержаться пять дней.

Расчет мама получает за двоих, я складываю деньги в конверт, и внутри все поет: свобода. С понедельника — библиотека, научный руководитель, нормальная жизнь, где никто не выходит из бассейна.

Мама уезжает сегодня чуть раньше, а я выхожу за ворота, когда уже темнеет. Последний автобус через двенадцать минут.

За спиной шуршат шины. Черный внедорожник останавливается, и он выходит, не заглушив мотор.

— Последний день?

— У меня аспирантура с сентября, — зачем-то объясняю я. — Занятия.

Он кивает. Стоит близко, руки в карманах, и вокруг ни души, только фонарь и мошकारа в нем.

— Мила.

— Что?

— Я приготовил тебе прощальный подарок.

Открываю рот, чтобы сказать что-нибудь убийственное. И не успеваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.